

Павельева А. К.,

доцент кафедры иностранной филологии и перевода

Полтавского национального технического

университета имени Юрия Кондратюка

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Аннотация. Статья посвящена определению рамок и особенностей художественного воплощения социально-исторического хронотопа в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». В частности, социально-исторический хронотоп определяется как условное время I половины XVII века и условное пространство «Украины» и Польши, поскольку, по мнению автора, Гоголь стремился изобразить в первую очередь не исторические события, а героические характеры. В данном исследовании отмечается, что фабульно-сюжетное время отдалено от времени повествования, а биографическое время переходит в пространственную систему координат. В указанной статье отмечается, что хронотоп дома противопоставляется свободному небу, степям, полям, Сечи, а хронотоп Сечи, в свою очередь, противопоставляется хронотопу бурсы (Киевской академии). В целом, художественное пространство в данном произведении определяется как открытое, разомкнутое. Кроме того, автор статьи считает, что в указанной повести Н.В. Гоголя важное значение имеют суточное время, кризисное время испытаний и символический мотив окна.

Ключевые слова: хронотоп, художественное время, художественное пространство, мотив окна, образ дома, хронотопические ориентиры, пространственно-временные параметры.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. Художественное время, художественное пространство и хронотоп являются значимыми компонентами художественного текста, способствующими осмыслению поэтики Н.В. Гоголя и выявлению закономерностей функционирования его художественного мира. О важности этих категорий свидетельствует уже само «пространственное» название второго цикла писателя – «Миргород». Действительно, усадьба старосветских помещиков, Сечь в «Тарасе Бульбе», хутор сотника в «Вие» и Миргород в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» предстают сюжетотворческими топосами, неразрывно связанными с образной системой гоголевских повестей. Следовательно, анализ хронотопов и пространственно-временных характеристик повести «Тарас Бульба» чрезвычайно важны для понятия этого произведения как по отдельности, так и в системном единстве данного цикла.

Анализ последних исследований и публикаций по данной теме, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья. Ю.М. Лотман в своем исследовании, посвященном художественному пространству в прозе Гоголя, указывал на то, что Тарас Бульба не имеет своего *пути* (индивидуального пространства персонажа) – внутреннего становления, выражаемого в категориях пространства. Исследователь также отмечает, что для пространства в данном произведении особенно важна подвижность включенных в него людей и предметов. В указанной работе также рассматривается граничность и безграничность пространства в гоголевской повести, вынесение точки зрения вверх, а также, что немаловажно, взаимосвязь персонажей с пространством, в котором они находятся [4]. О.С. Карандашова, вслед за Ю.М. Лотманом, также выделяет в картине мира «Тараса

Бульбы» границы, установленные по принципу «свое/чужое» пространство – мир Запорожской Сечи («свой») и остальной мир («чужой»). Исследовательница справедливо отмечает, что категория художественного пространства чрезвычайно важна для Гоголя, который мыслил и воспринимал мир прежде всего в пространственных образах [3]. Н.А. Николина рассматривает соотношение разных временных планов в структуре повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», в частности, условное и нарративное время повествования, отсутствие темпоральных противопоставлений и временной прикрепленности исторических событий, время персонажей (ретроспекцию и проспекцию), «опространствливание» времени и т.д. [6]. Однако, несмотря на то, что некоторые аспекты пространственно-временного строения мира в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» обращали на себя внимание исследователей, категории художественного времени, художественного пространства и хронотопа в данном произведении требуют дальнейшего изучения и осмысления, а многие представления нуждаются в пересмотре и дополнениях.

Формулирование целей статьи (постановка задачи). Целью нашей статьи является хронотопический анализ повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», поскольку, среди произведений, составляющих второй гоголевский цикл «Миргород», пространственно-временные характеристики именно «Тараса Бульбы» реже всего подвергались исследованиям.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. На наш взгляд, героическое прошлое своего народа Гоголь обрисовал сквозь призму социально-исторического хронотопа. В начале повести автор подчёркивает, что Тарас Бульба «был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век» [1, с. 194]. Далее в тексте упоминается о том, что «гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам...» [1, с. 215]. Этот эпизод отсылает читателя к преданиям о казни Северина Наливайко в 1595 году, вошедшим в летописи. По одной версии, он был заживо сожжён в медном воле в Варшаве, а по другой –

четвертован, а части его тела были развезены по городам. С другой стороны, художественное время в повести можно соотнести с казацкими восстаниями под предводительством Павлюка, Якова Острянина и Дмитрия Гуни 1637–1638 годов, подавленными гетманом Н. Потоцким. Учитывая драматический характер сюжетного действия, мы полагаем, что социально-историческое время в рассматриваемом произведении относится к первой половине XVII века, времени наиболее жестоких казацких восстаний и войн с Речью Посполитой. При этом обе составляющие социально-исторического хронотопа – и пространство «Украины» и Польши, и время – весьма условны, поскольку автор ставил перед собой задачу изобразить не столько исторические события, сколько сильные характеры. Как справедливо заметил А. М. Докусов, в повести «Тарас Бульба» Гоголь «показал читателю героическую действительность и героические характеры» [2, с. 81]. Именно характеры, а не историзм, являются главным достоинством данного произведения. В указанной повести герои и художественное время и пространство соотносятся друг с другом. В бурное время на эпических просторах украинских степей действуют мужественные, удалые, волевые, бесстрашные персонажи, порождённые трудным временем, в которое они жили. В повести «Тарас Бульба» Гоголь обрисовал суровое время, когда, «лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек», и на Украине возникли «грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против христианских хищников» [1, с. 194].

Фабульно-сюжетное время действия в повести значительно отдалено от времени повествования. Об этом свидетельствуют частые уточнения «в тогдашнее время», «в тогдашний век», «тогдашний род учений» и т. п. Гоголь неоднократно подчёркивает разницу между «тогдашним» и «нынешним» Киевом, укладом жизни, образованием и т. д. В «хронотопе автора» (М. М. Бахтин) социально-исторический временной пласт, послуживший сюжетотворческой основой данного произведения, является давно прошедшим, безвозвратным героическим временем.

Приметы этого социально-исторического времени есть не только в описании Сечи, казацких походов и осады города Дубно, но даже в бытовом пространстве. В частности, в доме Тараса Бульбы много места занимает различное оружие и добытые в походах трофеи: «На стенах – сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. <...> На полках и по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки, <...> зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена» [1, с. 193].

В это смутное время закалялись характеры, а рыцарская слава почиталась важнее семейных ценностей: «В тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы» [1, с. 200]. Социально-историческое время действия в повести примечательно тем, что во время борьбы за отчизну и за веру материальные ценности в мире казаков занимают последнее место. Им на смену приходят дух товарищества, побратимства, верность родине и христианской церкви. У запорожца, которого Бульба с сыновьями повстречали в предместье Сечи, «шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения» [1, с. 204]. Любые ценности на Сечи хранились у куренного атамана, а, по сравнению с польским гарнизоном, одетым в позолоченные доспехи, запорожцы казались голытьбой. Тарас Бульба легко и непринуждённо разгромил собственную светлицу: «На что нам эта хата? К чему нам все это? На что эти горшки?» [1, с. 194]. Идиллическое время для героев протекает не в отчем доме, а в походах и битвах. В широком смысле для казака дом – там, где можно «доставать козацкой славы».

По сравнению с изображением образа дома в остальных повестях циклов «Вечера» и «Миргород» хронотоп дома в «Тарасе Бульбе» можно охарактеризовать как микрохронотоп. В данном произведении вольное небо, поле, степь, Сечь в мировоззрении казака противопоставляются домашнему уюту и отчужденному дому. «Ваша нежба – чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша мать!», – поучает Тарас Бульба своих сыновей [1, с. 192]. Для казака сон под

открытым небом слаще отдыха на перинах: «Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе», – говорит Бульба своей жене [1, с. 196].

Художественное пространство, изображённое писателем в рассматриваемой повести, открытое, разомкнутое. Степные пейзажи поражают своей широтой и бесконечностью. Зеленеющая необъятная степь повсеместно сравнивается автором с океаном. Б. И. Николаев верно заметил, что «Гоголь представляет эту степь как бы единственной степью в мире, лучше которой быть ничего не может. И её центром, и центром казачества как органичного компонента степи выступает знаменитая Сечь» [5, с. 173]. Во взрослой, казацкой жизни Остапа и Андрия с их становлением пространство все увеличивается: из замкнутой бурсы – на хутор отца – в степи и, наконец, – на Сечь, оплот вольности и свободы. «Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!», – пишет Гоголь [1, с. 205]. По мнению В. И. Силантьевой, пространство Сечи характеризует отсутствие реальных границ: «У Сечи нет пространственно закреплённого места расположения, нет оград, нет постоянных жилищ. Стихия Сечи – степь и небо» [7, с. 73].

На Запорожье находили пристанище даже те, «у кого уже моталась около шеи веревка». Единственным критерием принятия в сечевое сообщество была православная вера, ведь «вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови» [1, с. 207]. Вера объединяла и сплачивала разношёрстное казацкое братство. Гоголевская Сечь стоит на защите главных ценностей того времени – православной Веры и Свободы. В сознании казаков вера и Запорожье неотделимы. Перед решающей битвой вместе с Тарасом казаки поднимали кубки не за победу, а «За веру!» и «За Сичь!», во имя которых и погибали на следующий день. Примечателен эпизод, в котором описывается смерть одного из запорожцев: «И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру» [1, с. 249].

В тексте повести постоянно противопоставляются хронотопы бурсы (Киевская академия) и Сечи. Бурса была необходимой ступенью для отпрысков «почетных сановников того времени», которые «считали необходимостью дать воспитание своим детям» [1, с. 199]. Именно угроза отца никогда не пустить его на Сечь заставляет Остапа Бульбу прилежно учиться в Киевской академии. За время обучения бурсаки приобретали ту предприимчивость, которая позже развивалась на Запорожье. В то же время схоластическое обучение и жёсткая дисциплина являлись полной противоположностью разгульной жизни на Сечи. Многие бурсаки, не выдержав «беспрестанные припарки», сбегали из академии на Запорожье. И «бурсаки составляли совершенно отдельный мир», и Сечь «представляла необыкновенное явление», маленькое государство в государстве. Сравнивая бурсу и Сечь, автор замечает: «Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собой кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов» [1, с. 206]. В отличие от академического рода обучения, который «страшно расходился с образом жизни», на Сечи «юношество воспитывалось и образовывалось <...> одним опытом, в самом пылу битв...» [1, с. 206].

Для становления характеров Остапа и Андрия значимым является период времени, проведённый ими в Киевской академии. Биографическое время в повести «Тарас Бульба» также получило художественное воплощение в пространственной системе координат – в описании луга, глядя на который сыновья Бульбы «могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку...» [1, с. 198].

Исходя из типа художественного времени в повести, художественное пространство можно условно разделить на «своё» и «чужое». «Чужим» считается не только польское, турецкое, татарское, жидовское, но также и то, что характеризует малороссиян, перешедших на другую сторону и принявших католическую веру. Так, автор изображает киевские «низенькие домики» простых людей, «потопленные в вишневых садах» и, как контраст им, дома малороссийских и польских дворян,

построенные «с некоторою прихотливостию». Совершенно противоположны описания скромной православной церкви на Сечи, в которой «даже образа без всякого убранства», и католического костёла, поразившего Андрия своей красотой.

Мотив окна в повести «Тарас Бульба» имеет символическое значение. Именно в окне Андрий увидел красавицу-полячку, погубившую его «для всего козацкого рыцарства». Примечательно, что эпизод, в котором молодой бурсак пробирается в комнату дочери польского воеводы через окно, напоминает фольклорный мотив путешествия героя в другой мир, когда дорога «туда» ничем не примечательна, а вот путь «назад» намного опаснее и полон препятствий. Например, Андрий без труда забрался в опочивальню красавицы, но, возвращаясь назад, «бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице...» [1, с. 202].

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших изысканий в этом направлении. Таким образом, социально-исторический хронотоп, хронотопы Сечи и бурсы, биографическое и суточное время, кризисное время испытаний, образ дома, мотив окна играют в композиции повести «Тарас Бульба» важную сюжетообразующую и, в особенности, характеротворческую роль. Хронотопические ориентиры и пространственно-временные параметры рассматриваемой гоголевской повести могут быть в дальнейшем рассмотрены в рамках всего цикла «Миргород», то есть, в сравнении с остальными тремя повестями данного сборника.

Литература:

1. Гоголь М. В. Вечори на хуторі біля Диканьки; Миргород / уряд. тексту, авт. ст. та прим. В. Я. Звиняцьковський; іл. С. Г. Якутовича. К. : Либідь, 2008. 488 с.
2. Докусов А. М. «Миргород» Н. В. Гоголя: лекции из спецкурса «Н. В. Гоголь». Л., 1971. 176 с.

3. Карандашова О. С. Художественное пространство «украинских» сборников Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Тверь, 2000. 20 с.

4. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. О русской литературе : Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб. : «Искусство-СПБ», 1997. С. 621–658.

5. Николаев Б. И. Организация пространства в «украинских» повестях Н. В. Гоголя. *Гоголь и современность (к 185-летию со дня рождения)*: материалы научной конференции. К. : Русь, 1994. С. 170–175.

6. Николина Н.А. Категория времени в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kategoriya-vremeni-v-povesti-n-v-gogolya-taras-bulba>. (дата звернення: 25.10.2018).

7. Силантьева В. И. Поэтика пространства в творчестве Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и О. Мандельштама. *Гоголь и современность (к 185-летию со дня рождения)*: материалы научной конференции. К. : Русь, 1994. С. 72–76.

Павельєва А.К. Соціально-історичний хронотоп у повісті М.В. Гоголя «Тарас Бульба»

Анотація. Статтю присвячено визначенню рамок та особливостей художнього втілення соціально-історичного хронотопу в повісті М.В. Гоголя «Тарас Бульба». Зокрема, соціально-історичний хронотоп окреслюється як умовний час I половини XVII століття та умовний простір «України» і Польщі, оскільки, на думку автора, Гоголь прагнув зобразити в першу чергу не історичні події, а героїчні характери. У даному дослідженні зазначається, що фабульно-сюжетний час віддалений від часу розповіді, а біографічний час переходить у просторову систему координат. У вказаній статті доводиться, що хронотоп дому протиставляється вільному небу, степам, полям, Січі, а хронотоп Січі, у свою чергу, протиставляється хронотопу бурси (Київської академії). Загалом, художній простір у повісті визначається як відкритий,

розімкнений. Крім того, автор статті вважає, що у зазначеній повісті М.В. Гоголя важливе значення мають добовий час, кризовий час випробувань та символічний мотив вікна.

Ключові слова: хронотоп, художній час, художній простір, мотив вікна, образ дому, хронотопічні орієнтири, просторово-часові параметри.

Pavelieva A.K. Socio-historical chronotope in the short-story by N.V. Gogol “Taras Bulba”

Abstract. The article is devoted to the definition of the framework of socio-historical chronotope, its features and artistic embodiment in the story by N.V. Gogol “Taras Bulba”. In particular, the socio-historical chronotope is defined as the conditional time of the first half of the XVIIth century and the conditional space of Ukraine and Poland, since, according to the author’s point of view, Gogol sought to portray in the first place not historical events, but heroic characters. In this study it is noted that the plot time is remote from the time of narration, while the biographical time passes into the spatial coordinate system. In this article, it is proved that the house chronotope is opposed to the steppes, fields, and the Sich, and the Sich chronotope itself is opposed to the seminary (the Kiev Academy) chronotope. In general, the artistic space in the story is defined as open, unclosed, extended. In addition, the author of the article believes that in the short-story by N.V. Gogol special emphasis is put on time of day, crisis times of trials and the symbolic motive of the window.

Key words: chronotope, literary time, literary space, window motive, the house image (chronotope), chronotopical reference points, spatial and temporal parameters.